

УДК 81-112.2

Сицына-Кудрявцева А.Н.

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (г. Москва)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВАЯ НОРМА»

A. Sitsyna-Kudriavtseva

Pushkin State Institute of the Russian language, Moscow

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE FUNCTIONING OF THE “LINGUISTIC NORM” CATEGORY

Аннотация. В рамках данной статьи производится выявление тех категорий философии, которые позволяют осуществить анализ механизмов функционирования понятия «языковая норма».

Ключевыми философскими понятиями, помогающими выявить механизмы функционирования языковой нормы, являются «время» и «движение», поскольку применение данных явлений при анализе закономерностей функционирования названной лингвистической категории позволяет осуществить ее всестороннее осмысление. Посредством применения философских категорий времени и движения языковедами производится конструирование отношений языковой нормы с другими лингвистическими понятиями, в частности, отношений нормы с системой и узусом, вариантностью, понятием языкового вкуса, категориями «коммуникация», «дискурс» и «текст».

Динамическая теория нормы, объясняющая механизмы функционирования освещаемой языковой категории, также возводится с привлечением данных философских понятий, так как без их использования невозможно объяснить статику и динамику развития разбираемого явления.

Философский уровень категории «языковая норма» определяет содержание внелингвистических и лингвистических уровней освещаемого понятия.

Ключевые слова: категория «языковая норма», функционирование категории «языковая норма», философские основы языковой нормы, философия и языковая норма, осмысление языковой нормы на философском уровне.

Abstract. This scope of this paper is to identify those philosophical categories that allow the analysis of the mechanisms behind the “linguistic norm” concept. The key philosophical notions that help to identify mechanisms of linguistics rules are “time” and “motion” because applying these notions to the analysis of the linguistic norm concept allows to completely grasp the concept. Through the use of philosophical categories of time and motion, linguists are able to establish the relationship between the linguistic norm and other linguistic concepts such as relationship between the norm and the system and use, variation, the notion of linguistic taste, as well as categories such as “communication”, “discourse”, and “text”.

Dynamic theory of norm, which helps to explain mechanisms of the “linguistic norm” category, also involves these philosophical concepts, because without their use it is impossible to explain the statics and dynamics of this phenomenon.

Philosophical level of the “linguistic norm” category determines the content of extralinguistic and linguistic levels of linguistic norm.

Key words: “linguistic norm” category, functioning of linguistic norm, philosophical foundations of linguistic norm, philosophy and linguistic norm, grasping the concept of linguistic norm on a philosophical level.

В научной литературе по языкознанию неоднократно отмечалось, что категория «языковая норма» – сложная и разноприродная. Авторы современных лингвистических исследований, объектом изучения которых выступает языковая норма, обращают внимание на зависимость данного понятия от социальных, психологических, эстетических, этических, культурных и других факторов, находящихся за рамками собственно языковедческого круга вопросов [10]. Это позволяет утверждать, что механизмы функционирования понятия «языковая норма»

возможно полностью осмыслить лишь при выходе за границы чистой лингвистики. На наш взгляд, наиболее глубоко и всесторонне изучить данное понятие позволит анализ, произведенный при помощи философских категорий. Выделение нами в качестве инструментов исследования языковой нормы именно философских категорий не случайно, так как анализ важнейших научных языковедческих теорий позволяет прийти к мнению, что все фундаментальные лингвистические концепции прошлых столетий и современности, посвященные главнейшим вопросам языкознания, строятся именно на философских основаниях. Основными категориями в них выступают «бытие» и «материя», «время» и «пространство» [11], поскольку анализ при помощи приведенных философских понятий позволяет глубже проникнуть в природу явления, постигнуть его сущность. Кроме того, наднаучный уровень, на который выводит философия, предполагает выявление механизмов, которые воздействуют на изучаемое понятие.

Выделим те философские категории, которые будут важны для понимания исследуемого нами лингвистического явления. По нашему мнению, при осмыслении механизма функционирования понятия «языковая норма» ключевыми являются философские категории «время» и «движение». Одним из первых данные понятия в качестве важнейших категорий философии выделяет в своих трудах Аристотель. Для него «время» и «движение» неотделимы друг от друга. А.Ф. Лосев так пишет о данном факте: «Действительно, время для Аристотеля представляется в «Физике» скорее всего каким-то «движением и изменением»... Движение – сама стихия времени, и без движения время не воспринималось бы» [5, с. 186]. Так, движение в теории Аристотеля есть событие, влекущее изменение, происходящее с вещью. Находиться во времени – значит находиться в постоянном движении, изменении. Таким образом, время есть мера движения, а движение – мера времени, одно не мыслится без другого, не существует без него.

Взаимосвязь времени и движения, предложенная греческим мыслителем и забытая в период господства механической картины мира Ньютона, будет возрождена и развита во многих философских – и не только философских – концепциях последних столетий (сравним с теорией относительности А. Эйнштейна, в которой время является одной из важнейших категорий, определяющих существование материи и бытия, а движение определяет скоротечность первого). В гуманитарных, в том числе и лингвистических, философских концепциях, представленных в работах М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, Х.-Г. Гадамера, А.Ф. Лосева, Дж. Остина, А.А. Потебни, Дж. Серля, П.А. Флоренского, М. Хайдеггера и др., время выступает категорией, которая сопряжена с изменениями, поиском истины, интерпретацией, зависящей от социума, этноса, культурной ситуации, в которой пребывает интерпретатор, и других причин.

На наш взгляд, в теории языковой нормы посредством указанных философских понятий выявляются такие черты данной категории, как статика и динамика ее развития, ее этическая, социальная, эстетическая и культурная обусловленность, ее отношения с системой и узусом, влияние на нее вкуса и моды, ее отношения с вариантностью и т. д. Остановимся на этом подробнее.

Понятие «языковая норма», будучи основополагающей категорией культуры речи, трактуется лингвистами как лингвистическое явление, возникшее, получившее развитие и теоретическое осмысление в 20-50-е годы XX века, поскольку в данный период происходит формирование единой концепции языковой нормы, закладываются теоретические основы нормализаторской деятельности в языке, осуществляется разработка нормы всех языковых уровней, выявляются взаимоотношения нормы с системой и узусом. Т.В. Матвеева отмечает: «В создании теории культуры речи и практической нормализаторской деятельности принимают участие крупнейшие ученые: Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, позднее Р.И. Аванесов, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин и др.» [6, с. 188].

Кроме указанного следует отметить, что усилиями советских лингвистов (Б.Н. Головина, В.А. Ицковича, С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, Л.И. Скворцова и др.) в 1960 – 1970-е годы создается теория динамической нормы, в рамках которой данное явление изучается с точки зрения синхронии и диахронии.

В своих работах, посвященных вопросам культуры речи, С.И. Ожегов выделяет в качестве одного из признаков нормы ее подвижный характер [7, с. 259], руководствуясь которым, Л.И. Скворцов в рамках динамической теории нормы производит деление нормы на воплощенную и потенциальную, императивную и диспозитивную. На подвижный характер нормы указывал еще в 1923-м году А.М. Пешковский: «... объективных критериев для суждения о том, что «правильно», а что «неправильно», нет, в языке «все течет», так что то, что вчера было «правильным», сегодня может оказаться «неправильным» и наоборот...» [8, с. 53]. Таким образом, еще на начальном этапе теоретического осмысления данной категории, когда только нащупывались механизмы, управляющие разбираемым явлением, лингвисты отмечали, что функционирование языковой нормы сопряжено с течением времени, а следовательно, и с движением, так как первое неотделимо от последнего. Как пишет А.Ф. Лосев, «...бесконечностью времени объясняется бесконечность движения» [5, с. 187].

Выше нами упоминалось, что в работах многих лингвистов неоднократно отмечалась зависимость языковой нормы от социальных, этических, эстетических, культурных фактов жизни общества. Вопрос зависимости языковой нормы от социальных фактов жизни общества поднимался в работах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, К.С. Горбачевича, Л.К. Граудиной, В.Г. Костомарова, С.И. Ожегова, Л.И. Скворцова, Л.В. Щербы и др. Так, Л.В. Щерба отмечает: «...малейшие изменения в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы <...> немедленно отражаются на изменении речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом...» [13, с. 29]. «Изменения в содер-

жании», отмечаемые ученым, которые влекут «изменения речевой деятельности», есть, на наш взгляд, не что иное, как движение, приравниваемое к событию, которое осуществляется под действием течения времени. Таким образом, социальные изменения, воздействующие в том числе и на речь и влекущие замену старых языковых норм новыми, есть отражение взаимоотношений времени и движения. Данные категории философии постоянно преобразуются в своем бесконечном развитии и преобразуют все, что находится в их координатной сетке.

С точки зрения культуры, этики и эстетики, норма призвана сохранять языковые и нравственные ценности коллектива, т. е. представлять собой некий ценностный идеал. Общеизвестно, что одними из ведущих признаков категории «языковая норма» являются консерватизм и устойчивость, т. е. малая восприимчивость к изменениям. Таким образом, она есть нечто такое, что призвано фиксировать «идеальное» воплощение языковых проявлений. Как отмечают лингвисты [9], норма подвержена изменениям только в динамичные периоды жизни общества. Оставаясь неизменной в «спокойные» периоды развития социума, когда этические, эстетические и культурные ценности воспринимаются как определенная традиция, не подлежащая критике и преобразованию, данная категория функционирует в качестве некоего эталона. Примером тому может служить малая изменчивость языковых норм древнерусских произведений X–XIV веков как религиозного, так и светского содержания. Таким образом, безусловна связь «языковой нормы» со скоростью протекания исторической жизни общества, следовательно, изменениями или неизменностью в его культурной, этической и эстетической жизни. Философские категории «время» и «движение» позволяют провести анализ понятия «языковая норма» в соответствии с изменением динамики протекания перечисленных сторон общественной жизни, так как смены «спокойных» исторических эпох «бурными» есть не что иное, как отражение неравномер-

ности движения, воздействующего на течение времени.

В системе координат «система – норма – узус», широко известной в современной лингвистике [4], норма, являющаяся средним членом триады, «существует как равнодействующая коллективного языкового сознания» [4, с. 59]. Однако при изменении языкового сознания, которое находится в постоянном движении, она вместе с ним подвергается метаморфозам. Подвижность человеческого сознания, порождающая постоянный поиск, в том числе и языковых вариантов, предлагаемых в пределах системы, влечет замену одних нормативных вариантов другими. Узус, выступающий в качестве «общепринятого употребления языковой единицы» [4, с. 59], также находится в пределах системы, образуемой временем и движением, вследствие чего он тоже текуч и подвержен преобразованиям. Таким образом, отношения языковой нормы с системой и узусом тоже организуются с привлечением категорий времени и движения: движение человеческого сознания осуществляет отбор нормативных вариантов, предлагаемых системой; узус, находящийся под воздействием временных факторов, довлеет над нормой и также влечет ее преобразование.

В современных культуроречевых концепциях в качестве одной из категорий данной дисциплины выделяют понятие «вкус». Данная идея, в частности, развивается в работах В.Г. Костомарова. Для нас представляет интерес тот факт, что при объяснении названного явления академик осмысливает его в связи с временными изменениями, происходящими с обществом. Ученый пишет: «... Вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу; <...> вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории» [3, с. 30]. Из приведенной цитаты понятно, что вкус в качестве лингвистической категории влияет на выбор того или иного нормативного варианта, кроме того, он вектор, определяющий направление движения предпочтений социума. Вкус функционирует в связи с динамикой

временных изменений. Так, норма, которая формируется в том числе и языковыми предпочтениями общества, еще раз демонстрирует свою сопряженность с категориями времени и движения.

Отношение «норма – вариант», глубоко исследованные в рамках русской лингвистики (труды К.С. Горбачевича), по нашему мнению, также базируется на философских категориях «время» и «движение». Анализируя методы исследования отношений между нормой и вариантом, К.С. Горбачевич отмечает: «Вариантность как историческая категория не может изучаться только путем выявления чисто статических отношений между языковыми единицами. Поэтому основным методом исследования служит функционально-динамическое описание вариантных пар» [1, с. 5]. При этом лингвист под термином «функциональное» понимает анализ вариантных пар в разных контекстах и стилях. Под термином «динамическое» – анализ вариантов в диахронии. Таким образом, жизнь вариантных пар неразрывно сопряжена с временем и движением: движение есть некое перемещение, которое, безусловно, влияет на признание нормативным того или иного варианта в зависимости от вкусовых предпочтений общества и стилевой принадлежности текста-дискурса, время – непрерывное течение, которое уносит один из вариантов в прошлое.

Современный период разработки теории языковой нормы связан с такими именами, как А.Н. Васильева, Б.Н. Головин, К.С. Горбачевич, А. Едличка, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, О.А. Лаптева, Л.И. Скворцов и др. В работах названных лингвистов категория «языковая норма» трактуется в неразрывной связи с понятием «коммуникация», что приводит к необходимости разработки типологии языковых норм, в рамках которой разграничиваются нормы системные, коммуникативные и стилистические. Кроме того, интерпретация разбираемого понятия в ракурсе речевой эффективности повлекла рождение мысли о соотношении «норма – текст», «норма – дискурс».

Понятие «коммуникация», которое мыслится как «взаимодействие с партнером или текстом для достижения внекоммуникативных и коммуникативных результатов» [11, с. 24], функционирует в лингвистике в тесной связи с понятиями «сфера» и «ситуация общения». Приведенные явления осмысливаются в пространственно-временной сетке, координаты которой и определяют элементы коммуникативного акта, в том числе и выбор целесообразного в каждой конкретной ситуации одного из нормативных языковых вариантов, считающихся пригодными к употреблению.

Соотношение нормы с дискурсом и текстом возможно полностью осмыслить, лишь вникнув в специфику механизмов функционирования категорий времени и движения. Разграничивая понятия «дискурс» и «текст», М.Я. Дымарский констатирует «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному времени, в котором он протекает» [2, с. 36], тогда как «текст существует во времени-пространстве культуры» [2, с. 37]. Так, дискурс и текст размежевываются прежде всего посредством разницы их реализации во времени: дискурс «живет» в реальном, линейно протекающем времени, тогда как «текст» – в «вечном» времени, функционирующем в виде циклов, т. е. таком, которое каждый раз возрождается при чтении текста. Вместе с тем и то и другое явление осуществляют движение, которое влечет их изменения, преобразования. Таким образом, соотношения «норма – дискурс», «норма – текст» невозможно проанализировать вне категорий времени и движения, при этом само понятие «время» выступает не только как протекание временных отрезков в линейной плоскости, но и как категория, сохраняющая в своем течении культурные ценности коллектива, в том числе и языковые, которые мыслятся как эталонные, а значит, нормативные.

Анализ функционирования категории «языковая норма» с привлечением философских понятий, произведенный в рамках данной работы, позволяет прийти нам к нескольким выводам.

Во-первых, ключевыми философскими категориями, помогающими выявить механизмы функционирования разбираемого языкового понятия, являются «время» и «движение», поскольку применение данных явлений при анализе закономерностей функционирования языковой нормы позволяет осуществить его всестороннее осмысление. Посредством применения названных философских категорий языковедами производится конструирование отношений языковой нормы с другими лингвистическими понятиями, в частности, отношений нормы с системой и узусом, вариантностью, понятием языкового вкуса, категориями «коммуникация», «дискурс» и «текст».

Во-вторых, динамическая теория нормы, объясняющая механизмы функционирования изучаемой языковой категории, также возводится с привлечением данных философских понятий, так как без их использования невозможно объяснить статику и динамику развития разбираемого явления.

В-третьих, философский уровень категории «языковая норма» определяет содержание внелингвистических и лингвистических уровней освещаемого понятия, что, на наш взгляд, является вполне закономерным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. М., 2009. – 240 с.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.). – СПб., 1999. – 284 с.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999. – 320 с.
4. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учебник. – М., 2003. – 351 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М., 1977. – 205 с.
6. Матвеева Т.В. Культура речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 186–190.
7. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура

- речи: Учеб. пособие для вузов. – М., 1974. – С. 251–276.
8. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные работы. – М., 1959. – С. 50–62.
 9. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1996. – 478 с.
 10. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. – М., 1980. – 352 с.
 11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т. 2. – М., 1990. – 447 с.
 12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007. – 480 с.
 13. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. 4-е изд. – М., 2008. – С. 24–39.

УДК 811.161.1

Сорокин Р.В.

Мичуринский государственный педагогический институт

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (1960–1980 гг.)

R. Sorokin

Michurinsk State Pedagogical Institute

SOCIAL AND POLITICAL LEXICON IN RUSSIAN LANGUAGE OF SOVIET TIME (1960–1980)

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политическая лексика эпохи «развитого социализма», состав которой определялся политико-идеологическими, социально-экономическими и прочими экстралингвистическими факторами. Внимание акцентируется на значении и употреблении языковых знаков политического словаря, которые отражали основы общественного строя и политической системы СССР, поэтому отличались частотностью в официальных, научных и газетно-публицистических текстах.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, социализм, социалистический, коммунизм, коммунистический, Советы, советский.

Abstract. This article deals with the social and political vocabulary of the era of «developed socialism», the composition which is determined by political-ideological, social-economic and other extralinguistic factors. Special attention is paid to the meaning and use of linguistic signs of the political vocabulary that reflected the fundamentals of the social and political system of the USSR, and therefore were frequent in official, scientific, newspaper and journalistic texts.

Key words: social and political vocabulary, socialism, socialistic, communism, communistic, the Soviets, Soviet.

На каждом историческом этапе в словарном составе языка имеется общественно-политическая лексика (ОПЛ), которая отражает идеологию и другие сферы социально-политической жизни общества.

Состав ОПЛ 1960–1980-х гг. определялся теми общественно-политическими, социально-экономическими, идеологическими и прочими явлениями и процессами, которые происходили в тот период. На XXII съезде КПСС (1961 г.) были приняты новая Программа и Устав партии. В Программе констатировалось, что социализм в СССР построен, и перед советским народом ставилась задача построения коммунистического общества. В Уставе КПСС излагался моральный кодекс строителя коммунизма. На XXIV съезде КПСС (1971 г.) под-